

Семен Васюков

В степях Северного Кавказа

Семен Васюков
В степях Северного Кавказа

«Public Domain»

1908

Васюков С. И.

В степях Северного Кавказа / С. И. Васюков — «Public Domain»,
1908

«В 1902 году, летом, проживая в Геленджике, я был свидетелем продажи за невероятно дешевую цену, хороших лошадей в упряжи и с крепкими повозками. Продавали зажиточные люди, по всем признакам – крестьяне. Спустя некоторое время, я узнал, что это были баптисты ставропольской губернии, выселяемые бывшим губернатором Никифораки с арендованных ими в течение пятнадцати лет земель, принадлежащих трухменским кочевым народам, где в степях они первые завели зерновую культуру, вырыв для такой цели колодцы глубиною от тридцати до сорока сажен...»

© Васюков С. И., 1908

© Public Domain, 1908

Содержание

I	7
II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Семен Васюков

В степях Северного Кавказа

В 1902 году, летом, проживая в Геленджике, я был свидетелем продажи за невероятно дешевую цену, хороших лошадей в упряжи и с крепкими повозками. Продавали зажиточные люди, по всем признакам – крестьяне.

Спустя некоторое время, я узнал, что это были баптисты ставропольской губернии, выселяемые бывшим губернатором Никифораки с арендованных ими в течение пятнадцати лет земель, принадлежащих трухменским кочевым народам, где в степях они первые завели зерновую культуру, вырыв для такой цели колодцы глубиной от тридцати до сорока сажен.

Нетрудно было познакомиться с баптистами, в положении которых я принял живое участие. Я узнал, что этот трудовой, культурный народ (надо прибавить, что на Кавказе вообще в таком элементе нужда огромная), положивший столько осмысленной работы и терпения там, где до них было примитивное кочевое хозяйство, должен, в силу административно-бюрократических соображений, переселяться – кто в Америку, а кто в Туркестанский край.

Я спрашивал и недоумевал.

– По распоряжению губернатора, – говорили они, – наши колодцы запечатаны и скотине пропадать надо – мы и продаем за цену, которую дают... Что же нам давать!..

Спокойный тон, в выражении лица ни злобы, ни отчаяния, только тихая грусть сосредоточенно таится в их умных глазах.

Какая сила и вместе с тем покорность судьбе!

– Неужели правда все, что вы говорите? – спрашивал я.

– Правда, господин, истинная правда! – отвечали баптисты.

– Сколько же ваших семейств находится в таком положении?

– Около ста-тридцати!..

Я смотрел на этих, хотя и грустных, но сильных и энергичных людей и не мог не подумать: – да, Америка приобретет устойчивый, производительный элемент, увеличит свою силу и мощь такими гражданами-богатырями!

Я написал о факте подобного выселения, и редактор «С.-Петербургских Ведомостей» поместил мою небольшую заметку, которая была перепечатана некоторыми газетами, в том числе даже и «Гражданином». Все газеты, без исключения, по поводу никому ненужного разорения трудовых, совершенно мирных людей, выразили недоумение.

С целью несколько утешить людей в их положении, я вырезал газетные заметки и послал сектантам.

А через неделю после того ко мне приехали представители баптистского общества с просьбой хлопотать о них в Петербурге, чтобы им остаться и работать в степях ставропольской губернии. Обращаясь ко мне, несчастные хватались за соломинку.

Я отказался от такого сложного дела, во-первых, по неопытности, а во-вторых, по своему положению.

– Мы вам выдадим доверенности, – продолжали просить меня сектанты.

Я подумал, а затем по-русски, «на авось», взял на себя эти хлопоты.

Три года ходил я по министерствам, подавая «бумаги», лично просил министров («земледелия» и «внутренних дел»). Дело – то подвигалось, то останавливалось, но сектантов не гнали, колодцев не запечатывали, хотя они находились в крайне неопределенном положении годовых субарендаторов Северо-Мажарской дачи уч. № 11; они жили всегда накануне: всегда готовые к выселению. В своих просьбах я указывал на своих доверителей, как на элемент культурный, совершенно могущий, как и немцы-менониты, оживить мертвую степь – садами и виноградниками, – элемент, в котором именно нуждается Кавказ, эта пустынная, дикая и некультур-

ная страна. Я действовал по своему разумению, так как знал Кавказ, знал, как нуждается этот богатый край в труде разумном, хотя тяжелом и упорном, а на это способны были баптисты безусловно. Они же были скромны в своих просьбах: они хотели, чтобы им трухменские земли отдавались непосредственно в аренду с торгов, а не поступали от православного общества, как субарендаторам.

Каждый, конечно, понимает, в чем дело.

– По нашему учению – говорили мне баптисты – мы ничем, кроме земледельческого, ремесленного труда, заниматься не можем; мы не можем торговать, а земледелие – промысел самый нам близкий и с детства самый знакомый.

Мои хлопоты в Петербурге, как и переписка с баптистами продолжались. Считаю нужным здесь добавить, что делу сектантов много способствовали бывший министр земледелия, А. С. Ермолов, и вице-директор департамента государственных имуществ, А. П. Забелло, по поручению министра произведший исследование на месте положения как моих доверителей, баптистов, так и других безземельных поселенцев ставропольской губернии.

– Отчего вы не поедете в такой интересный край? – спрашивал меня А. П. Забелло. – Не будете жалеть, уверяю вас!..

И вот, воспользовавшись приглашением баптистского общества, которое письменно предложило мне приехать в нем на хутора, откуда они повезут меня по интересным местам степной губернии, – я решил, в первых числах июня 1905 г., ехать в степи. Предложение, действительно, было заманчивое.

Настоящие очерки, может быть беглые, являются результатом моих впечатлений по местам.

I

Степь. – Хлебные залежи. – Город Георгиевск. – Мост через Куму. – Большая дорога внутрь степей ставропольской губернии.

До станции Минеральные-Воды, до исторических в литературном отношении пятиглавого Бештау и красавицы Машука, идут вольные, беспредельные, как море, степи. Быстро мчится по ровной плоскости поезд, в растворенные окна вагонов несется аромат бесчисленных, пестреющих на зеленом фоне, трав, цветов, и спокойной волной колеблется, уходя вдаль, поверхность густой пшеницы. Черноземная сила степи охватывает людей даже в вагонах, куда врывается такой густой, здоровый воздух, что живит усталых, анемичных людей, едущих на курорты, не говоря о тех, кто тут, бодрый я смелый, живет и производит такое хлебное богатство.

Действительно, на станциях загорелые, сухие лица местных степняков говорят за себя в смысле выносливости и силы.

Вольные степи, что вы перевидели, пережили!..

Неслись по-вашему ковылю дикие полчища татар, мелькали, как легкие тени, соседние горцы-черкесы, таились в широком раздолье беглые из России, пока, наконец, трудовая рука русского пахаря широкими лентами не перерезала вольных степей целыми тысячами десятин пшеницы, жита, ячменя. Качаются, шумят колосья, играя с ласковым ветром, золотясь на южном солнце и наливаясь на просторе крупным, сильным зерном разнородного хлеба и льна.

Да, степи северного Кавказа, еще не использованные, составляют житницу России и по своей силе и производительности вполне могут спорить с кубанскими, тоже богатейшими степями.

За Минеральными-Водами, станция Незлобная была целью моего путешествия по железной дороге. Там меня ждали и встретили.

Было поздно; решено было переночевать на постоялом дворе, где имелись приличные, чистые комнаты, содержимые сектантом. Вечер, впрочем, не пропал даром. Я не думал, что мне так скоро придется познакомиться с хлебным богатством ставропольской губернии.

На небольшой станции Незлобная мы увидели целые горы прошлогоднего, не вывезенного еще зерна. Боже!.. сколько хлеба! Хотя бы раз, одним глазом, взглянуть на такое богатство нашему центральной полосы земледельцу. Я насчитал пять сараев по 200 сажень длины и сажень 20 ширины, сплошь заваленных мешками с зерном; кроме этих сараев, идут бараки с зерном, мукой и шерстью. К баракам во время дождей подступает вода, не говоря о том, что хлеб мокнет от дождей, ибо многие мешки ничем не прикрыты.

Вот по истине богатство, грандиозное и обыкновенное, о сохранении которого не особенно заботятся. – Сколько тут пудов?

– Миллионы, – отвечали мне. И везут, еще везут, а складывать негде!

– Что же не отправляют? Ведь часть хлеба несомненно сгниет?

– Вагонов нет. Не знаем, что будут делать, когда новое зерно двинется, – отвечали мне.

А мы говорим о бедности России, о неурожаях, когда ставропольские и кубанские степи могут прокормить чуть не всю Россию, да еще с остатком!..

Когда подавали лошадей, я бросил взгляд на маленькую станцию Незлобную. Хлебных сараев не было видно, они прятались в низине (не правда ли умно?), а вокруг станции – множество всевозможного ранга построек, среди которых немалое число тракторов и других веселых заведений.

– Что это – станица?

– Нет, станица четыре версты от станции, а это так – тракторы, постоялые двory, хаты!..

– Людей, живущих «при хлебе»?

– Да, именно таких людей...

Наш путь был в городе Георгиевску, расположенному от станции в пяти верстах; дорога ровная, широкая, как вообще степные дороги. В самом деле степь на все положила свой широкий, вольный отпечаток: широка дорога и широки улицы в селениях, просторны двory и не тесно в помещениях, – на всем отражается характер степной шири и простора, нет смысла жаться, суживаться, когда сливается с горизонтом далекая, многоземельная степь!

Георгиевск, Терской области, – город сравнительно небольшой, но довольно аккуратный, словно построенный по предварительному плану. Прямые, широкие улицы, обсаженные около тротуаров белыми акациями; небольшие, все одноэтажные домики в садочках, большею частью покрашенные светло-голубой краской, производят радостное, веселое впечатление, особенно в солнечный день. На огромной по пространству базарной площади – красивое, в готическом стиле, здание городской думы и полиции. Улицы немощеные, и грязь после дождей невылазная. Город живет зерном, и почти каждый обыватель Георгиевска прикосновенен к урожаю.

Впрочем, специальная промышленность производства всякого рода повозок и экипажей процветает в городе, где на каждой улице раздается стук молотка о железо и высится в воротах вывеска с указанием фирмы заведения, или же, что проще, выставлен готовый экипаж прямо на улице, близ самых ворот мастерской. Есть в городе хорошие магазины. Вообще, Георгиевск производит впечатление центра жителей с достатком. Покосившихся, жалких хат, непременною принадлежность наших великорусских уездных городов, мы не видели в степном городе.

Выехали на дорогу. Вдали виднеется казачья станица Подгорная.

– Через версты три будет мост через Куму, – рассказывал сектант: – этот мост дает огромные доходы казакам Подгорной... Можно сказать – золотой мост!

– Берут за проезд через него? – спросил я.

– Да. По три копейки с подводы... Немного, а вы подумайте, сколько в сутки протянется подвод, – ведь сотни, а то и тысячи... все на Незлобную да в Георгиевск... Посмотрите!..

Действительно, впереди, сзади нас с грузом и порожня тащились повозки, и все – через казачий мост!

Скоро и мы подъехали к интересному мосту.

Небольшая река Кума, сажен пять ширины, и через нее висит «живой», деревянный, на легких подпорках мост.

– Однако!.. – заметил я.

– Посмотрите, – продолжал мой спутник, – берега перекопаны канавами, чтобы вброд не проехать...

– Да ведь это разбойничья засада какая-то! – возмутился я. – по какому праву люди обложены такой данью на большой дороге? Кроме того, мост безусловно опасный, по-видимому гнилой, – он так трясся при нашем проезде! И квитанции не выдают, никакого контроля!!

– Лет двадцать-пять я знаю его, – все такой же. А сколько денег перебрали! – можно бы из золота чистого построить мост! Что говорить, казаки! – с ними ничего не поделаешь!! Смотрите, трешники не успевают собирать!.. на одни сутки стоимость такого моста оправдывается!..

Среди трудового земледельческого люда северного Кавказа о казаках сложилось нелестное мнение, как о лодырях, вся мысль которых направлена, как бы прожить и прожить «добре», не утруждая своих рук работой.

И действительно, живут, хотя не робят! Земли сдают в аренду, а если эксплуатируют сами, то нанимают работников... Они – маленькие помещики, пережиток старинного времени, предания Запорожской Сечи, но только предания! Старая слава их, как рыцарей, сошла на полицейские обязанности, которые несомненно служат для них подспорьем... Прежде всего, казак к труду, к трудовому человеку относится с презрением, как и ко всякого рода новшествах в хозяйстве. Когда немцы, сектанты и даже православные поселяне обзавелись сено-

косилками, веялками, молотилками, жатвенными машинами, казак, твердый в рутине, продолжает эксплуатировать степь непосредственно руками.

Ясное дело, что такой мост для казаков – находка. Недалеко от реки – несколько десятин жалкого кустарника, тоже принадлежащего казацкой станице. Попробуйте остановиться и дать лошадям отдохнуть, пустите их в кусты, где нет и травинки – пожалуйста тогда денежки! Кустарник казацкий даром топтать лошадям заказано!

Мы ехали вперед, поминутно сворачивая. Навстречу тянулись по широкой дороге повозки на волах, на верблюдах и запряженные лошадьми. Везли зерно, муку, шерсть и рыбу с берегов Каспийского моря; все это – казацкие данники! И нет им конца среди необозримой степи! На каждой повозке поперек лежат деревянные ясли.

– Для чего? – спрашиваю.

– Для корма в дороге... Мешают мякину с мукой и поливают водой, – корм хороший: тогда скотина может долго терпеть жажду, что в безводной степи очень важно!

– Приспосабливаются крестьяне?

– Ко всему приспособляются, без этого нельзя!.. Кому же и приспособляться, как не рабочему народу?! Вот, например, машины немецкие... разве по первоначальному они так были устроены?! Совсем нет. Помню первые косилки, которые привезли в нам в степь... Что такое? Косят ладно, добре косят, да только плотную, высокую траву, а мелочь оставалась; а мелочь эта – самая кормовая для скотины. Ну, мужики и задумались, и немцам заказали, как надо приспособить машину, чтобы на чистоту скашивать... Немцы, конечно, народ хитрый, поняли указания мужицкие, да так и сделали, – теперь косилки пошли в ход и поклепа на них никакого, работают словно косцы средственные...

– Где покупаете машины?

– В Ростове больше, заграничных фирм!.. Русского производства ведь нет... Сначала были машины немецкие, а теперь пошли американские... Чисто работают, и хлеб чистый...

Теперь мы ехали по плодородной ставропольской губернии. Вскоре, верст через пять после «знаменитого» предательского моста, кончилась Терская область и, следовательно, владычество казаков. Пошли порядки другие – крестьянские, купецкие, вернее – маклацкие.

Далекая от центров, живущая на воле, сама по себе, странно складывалась в своих отношениях, торговых и экономических, эта богатая, но странная губерния.

Заселение губернии совершалось неправильно; правительство не знало, какую жемчужину имеет оно в своем владении; местная администрация, может быть, и имела некоторое о том понятие, но политично умалчивало; кроме того, ее и не спрашивали. Беглые из России, сектанты – вот первые элементы, заселившие черноземные степи. Энергичный, смелый кулак явился первым пионером и хозяином вольных степей. Последнему, разумеется, покровительствовала местная администрация, а на беглых и сектантов смотрела сквозь пальцы, ибо они, составляя рабочую силу, нужны были капиталисту, производившему на целине широкие распашки, разводившему овец и крупную скотину.

Мы знаем из описаний покойного Данилевского, какой безумный произвол царствовал в далекой, почти неизвестной губернии, которая при всем том еще подвергалась нашествию горцев из-за Терека и в которой кочевали тогда не такие, как теперь, смиренные тухменские и караногайские орды. Вблизи губернии не проходила железная дорога и пути из степей были дальние, на Ростов да к Каспию. Одним словом, вольная степь жила своеобразною вольною жизнью; энергичные люди, надеясь на свои собственные силы, культивировали – девственную природу степного края.

Еще и в настоящее время сохранились обычаи и отношения странные, до сих пор характеризующие власть и силу кулака.

Например, при покупке скупщиком у крестьян хлеба, последний принимается пудами, которые по весу должны быть не 40, а 41 фунт. Ведется это исстари, и такой вес практикуется не на одном только зерне, а и при покупке другого сырого товара.

– Почему же так? – спрашиваю а. – Ведь это, наконец, несправедливо! Подумайте, при покупке десятков, сотен тысяч пудов, сколько купец получит дарового хлеба! Да, наконец, такая купля и продажа, в виду эксплуататорской односторонности, недопустима нашим законом, соблюдающим правильность меры и весов!..

– У нас свои законы, – усмехнулся мой спутник. – А что касается того, почему такой порядок и откуда он взялся, я думаю так: в степях хлеба всегда было вволю, но обмолачивался он не так чисто, как теперь, – не было машин, веялок. Ну, купцы пуд на 40 пудов и накидывали в виду плохой обработки зерна... Накидывали, да и вводили в обычаи при всякой торговле... Теперь хлеб чистый, зерно отборное, да и обычай купецкий крепкий; купцы у нас богатые, люди сильные, – с ними трудно сладить!..

Найдите подобное где-нибудь в России, там, где хлебные губернии. Нет, такой богатой природной житницы не найти, и русский человек еще не понимает производительной силы степей и вольного богатства ставропольской губернии, которая не исследована и не организована в земельно-экономическом отношении. Это – край будущего, сильный и хлебный край!

Скопились на дороге подводы. Кучка людей о чем-то гуторит, смеется. У молодого парня – грустное лицо.

– Сколько пудов проворонил-то? Ишь, восемь!.. Вот дома-то достанется... В такую жару дочиста шерсть повысохла... А ты, парень, не спешил бы сдавать, а на ночь у речки переночевал бы – тогда восемь-то пудов в кармане были... Молод еще, рано пустили сдавать шерсть... Дома посидел бы, милый!..

– Это действительно так, – прибавил мой спутник, когда мы проехали обоз: – опытные люди всегда с шерстью у речки ночуют перед сдачей: несколько пудов наверное прибудет... И купцы это знают, и не спорят, товар принимают...

– И все-таки пуд в 41 фунт?

– Конечно, своего не упустят...

Мы въезжали в широкую улицу большего селенья...

II

Характер степных селений. – Постоялый двор. – Федоровка и Воронцовка. – Власть хлеба-зерна. – Порядки бюрократические и патриархальные. – Семейный раздел.

Селение Карамык, среднее по размеру, организовалось и выросло под влиянием степи. Не говоря о широкой улице, служащей продолжением вольной степной дороги, дома в селении отстоят друг от друга в весьма солидном расстоянии по причине огромных и содержащихся в относительной чистоте дворов. Жилища тоже просторные, а комнаты характерные, хотя бы эта кухня, куда мы вошли, поставив в тень лошадей и задав им корм. Кухня и столовая: вместе – длинная, но не узкая комната, светлая, с чистыми окнами в одну сторону. Печь и плита содержатся аккуратно. Хозяйки, две сильные бабы, чисто одетые, только-что вынули свежее выпеченный хлеб, замечательно вкусный и аппетитный на вид. Надо отдать справедливость ставропольской губернии: нигде по станциям, даже и Кубанской области, и селениям, мне не приходилось есть такого вкусного пшеничного хлеба, как здесь. Действительно, хлеб, так хлеб!

– Сколько стоит пуд такой муки? – спросил я у хозяйки.

– Восемьдесят копеек. А что, добрый хлеб?..

– Да, хороший хлеб.

– До вас солдаты из Георгиевска были, тоже хвалили хлеб... Скажите, пожалуйста, зачем от начальства им запрет не кушать пшеничного, а печь хлеба из житной муки?.. Такая мука у нас дороже и хуже, а накося – запрет: по закону, говорят, не полагается!.. Мы вот жита не сеем... Зачем?.. когда пшеница добре родит!.. Житной муки у нас трудно найти, а солдатам, вишь, надоть... Чудно, право! – говорила простодушно женщина, вынимая из печи жареную картошку.

Я молчал и думал: в самом деле, почему в царстве пшеницы не есть солдатам такого чудного и дешевого хлеба, а непременно потреблять ржаной? Дисциплина что-ли от этого пострадает? Да, бюрократия не связана с жизнью даже в вопросах выгодного питания... Скажите, пожалуйста, как можно солдату есть такой великолепный хлеб!.. да он избалуется окончательно!.. Грустно все это. Недорого мы заплатили за чай, яйца, хлеб и молоко, все продукт свежий, прекрасный...

– По сколько десятин наделены здесь крестьяне?

– Которые по пятнадцати десятин на двор, но имеются и такие старые поселенцы из православных, что получили по тридцати десятин.

– Ого!.. Жить можно!..

– Еще бы! – добавил мой спутник. – Да и какая земля!.. Вперед!

Мы снова – в ровной, гладкой, как скатерть, степи; только там, где постепенно огибает равнину река Кума, на правом её берегу высятся горы, а на противоположном низменном растёт лес.

Кума – степная река, и на всем её протяжении построены селения, самые первые в степной, безводной губернии, но и самые богатые и населенные.

Вдали показалась церковь, около неё – лес.

– Это Федоровка, а рядом, через реку – Воронцовка! – сказал путник.

Первое огромное торговое селение официально значится Ново-Григорьевка, а второе, еще более богатое – Воронцово-Александровка. Но народ не признает этих «бумажных» названий и по старинному зовет их попросту Федоровкой и Воронцовкой. Если спросить местного жителя: как мне проехать в Ново-Григорьевку? – то вы можете весьма вероятно подучить отрицательный ответ: «не знаю», а Федоровку всякий покажет, не задумываясь.

Не понимаю, зачем не сохраняют народные названия селений, а придумывают там, в канцеляриях, на досуге, новые и даже сложные. Вот по истине мало дела чиновникам!..

Река Кума разделяет, как я говорил, эти два селения, имеющие свои приходы и управления. Церковь и большое каменное здание семинарии обращают на себя внимание в Федоровке, которая расположилась чрезвычайно правильно: таких невероятно широких улиц я и не видывал. Напротив, Воронцовка сгруппировалась; одна только базарная площадь напоминает степное приволье. Прекрасные двух-этажные дома с балконами и бельведерами – принадлежность местных богачей-хлеботорговцев. Селение Воронцовка напоминает скорее уездный город, но город богатый и живой.

На базарной площади лесные склады, материал которых доставляется черкесами-горцами. От площади идут торговые ряды, по правде сказать, тесные, но чего, чего только нет в лавках и больших магазинах, в которых работают не меньше полудюжины приказчиков. В базарные дни толчея здесь порядочная. Все можно купить в этом степном селении, до предметов роскоши включительно.

Расположены магазины, сплошь заваленные товарами, по меньшей мере странно: вот аптекарский магазин рядом с торговлей нефтью. Склад сосновых досок, с приятным запахом смолы, помещается рядом с магазином готового платья под фирмой «Шик» из Ростова. Подле – другой такой же, первому конкурент. Железо, мочала, всякий строительный материал, азиатские изделия, тут же и огородные производства, местное прасковьевское вино, двадцать копеек бутылка, и лимонад, смешанный с уксусом фирмы Чурилина из Ростова, женские шляпы и перчатки – все можно найти в селении Воронцовка, главный покупатель которого – местный крестьянин-хлебопашец.

– Сколько, приблизительно, жителей в Воронцовке? – спросил я у местного старожилы.

– 18 000 человек.

– Неужели?

– Может быть, теперь и больше! – прибавил гордый «воронцовец».

Происхождение этого огромного села относится ко времени крепостного права. Первые поселенцы были ссыльные крестьяне воронежской губернии, впоследствии купившие землю у князя Воронцова, почему и название села Воронцовка. Распорядок землевладения общинный, как и в Федоровке, надел на душу выражается в семи десятинах; в Воронцовке, кроме обыкновенной двух-классной школы, имеется ремесленное училище, церковно-приходская школа и даже бульвар.

Любопытна история насаждения и устройства последнего: бульвар – дело рук пьяных обывателей. По постановлению волостного схода было решено, что те крестьяне, которые попадались в безобразно-пьяном и буйном состоянии, арестованные предварительно для вытрезвления, назначались в наказание на общественные работы по устройству бульвара; таким образом, в короткое время и за очень недорогую цену в Воронцовке вырос тенистый бульвар со скамеечками, – бульвар, положим, узкий, но все-таки украшение селения.

Не мешало бы вообще общественным учреждениям «намотать себе на ус» эксплуатацию пьяных, от которых получается и польза, и здоровье, вполне гигиеничное вытрезвление и отсутствие срама, ибо что может быть благороднее труда, притом преследующего общественные цели?

Имеется в богатом селении и общественное собрание, которое находится, в сожалению, в руках далеко не общественного лица – земского начальника, авторитет которого не совсем подходит для такого вольного занятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.